

ошибках. Ключевые организационные проблемы носят не только локальный, но и системный характер, такие как штрафы, оборудование, карьерная прозрачность и не могут быть решены на уровне отдельного сортировочного центра. Performance review показал себя как инструмент обнаружения скрытых конфликтов между разными уровнями иерархии и для разработки рекомендаций по определенным направлениям (план обучения, памятки, статистика кадровых перемещений).

Литература

1. Герасева Н. Б. Построение системы мотивации сотрудников логистической службы. KPI для логиста // Логистика сегодня. 2007. № 1. С. 40-48.
2. Кибанова, А. Я. Управление персоналом организации. М., 1997. 512 с.
3. Миндергасов А. С. Эволюция и процедурные аспекты метода Performance Review в системе оценки персонала организации // Современное общество, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VI Международной научно-практической конференции. 2026. С. 142–144.

ТРАНСЛОКАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ: МЕЖДУ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН ПРОСТРАНСТВАМИ

**Омельченко Д. А., Барнаул, Максимова С.Г., Москва,
Чистякова С.А., Барнаул (Россия)**

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ №24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности»

Аннотация. *Статья посвящена концепции транслокальности и ее возможностям для анализа религиозной идентичности в приграничных зонах. Эмпирическую базу составили результаты социологического опроса населения приграничных регионов России и Монголии (N = 2785), экспертного опроса (N = 155) и анализа 280 религиозных сообществ в социальной сети ВК (216 188 пользователей). Показано, что транслокальность проявляется на межличностном (межконфессиональные браки и конверсии), организационном (паломничества, подготовка духовенства) и*

институциональном (межконфессиональные мероприятия, деятельность международных организаций) уровнях. Наложение цифровых коммуникаций на физические взаимодействия переводит религиозную идентичность в дуальный режим, в котором индивидуальные локусы связываются с крупными религиозными объектами, а сообщества приобретают новые масштабы. Делается вывод о том, что приграничье выступает пространством активного производства и оспаривания религиозной идентичности. Актуальный характер межконфессиональных отношений не препятствует культурной адаптации, несмотря на распространенность опыта трансграничных миграций в иную конфессиональную среду.

Ключевые слова: российско-монгольское приграничье, религиозная идентичность, концепция транслочальности, приграничная религия, цифровая религия

TRANSLOCAL CHARACTER OF RELIGIOUS IDENTITY IN THE RUSSIAN-MONGOLIAN BORDERLANDS: BETWEEN ONLINE AND OFFLINE SPACES

**Omelchenko D.A., Barnaul, Maximova S. G., Moscow,
Chistyakova S.A., Barnaul (Russia)**

The work was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03002 "Religious landscapes of the Russia-Mongolia border region: in-stitutional and network mechanisms for constructing religious and ethnic identities and security in the context of a post-secular reality."

Abstract. *The article discusses the concept of translocality and its potential for analysing religious identity in border zones. The empirical base comprises the results of a sociological survey of the population of the border regions of Russia and Mongolia (N = 2785), an expert survey (N = 155), and an analysis of 280 religious communities on the VK social network (216,188 users). It is shown that translocality manifests itself at the interpersonal (interconfessional marriages and conversions), organisational (pilgrimages, training of clergy) and institutional (interconfessional events, activities of international organisations) levels. The superimposition of digital communications on physical interactions transfers religious identity into a dual mode, in which individual loci are linked to large religious objects and communities acquire new scales. It is concluded that the borderland acts as a space for the active production and contestation of religious identity. The current character of interconfessional relations does not impede cultural adaptation, despite the prevalence of cross-border migration into a different confessional environment.*

Keywords: *Russian-Mongolian borderland, religious identity, translocality concept, border religion, digital religion*

Приграничье представляет собой уникальный феномен, выводящий на первый план процессы культурной адаптации, национальной и религиозной идентификации, характеристики и содержание образов жителей, регионов и стран, находящихся по обе стороны границы. Концепция транслокальности акцентирует внимание на социальных связях, объединяющих конкретные места (локальности) через пространство и время (Э. Гидденс), социальные практики, стратегии действия и репрезентации (А. Аппадурай). В отличие от транснационализма, сфокусированного на миграциях между странами и отношениях между отправляющими и принимающими сообществами, транслокальный подход позволяет анализировать взаимодействия не только между отдельными местностями в разных странах, но и внутри одного государства, в том числе в приграничных зонах, где они характеризуются межрегиональными, внутрирегиональными культурными обменами и отношениями взаимозависимости [2; 3]. Приграничье при таком подходе осмысливается как динамичное многомерное социокультурное пространство, где границы выступают одновременно барьером и стимулом для осмысления и переопределения идентичности и межкультурного диалога.

В контексте изучения духовных и культурных процессов концепт транслокальности важен в контексте анализа «пограничной религии» [5] и конструирования подвижных – смешанных, гибких форм религиозной идентичности, предполагающих динамику (усиление, ослабление или пересборку, переопределение) и отсутствие жесткой привязки к изначальному месту проживания. Транслокальная оптика показывает, как религия перемещается вместе с верующими, сохраняет связь с исходными местами проживания, и, одновременно, происходят изменения религиозного ландшафта нового места, в котором она укореняется. Наложение цифровых коммуникаций на физические взаимодействия переводит традиционную религиозность в дуальный режим, в котором религиозная идентичность получает не только физическое, через связь с культовыми местами, храмами и другими объектами, но виртуальное оформление, и связи с сообществом приобретают новые масштабы и временные рамки [4].

Российско-монгольская приграничная зона отличается значительной протяженностью (третье место в России), и сложным этно-конфессиональным составом (здесь проживают русские, буряты, тувинцы, алтайцы, казахи, монголы – более 250 национальностей согласно данным переписи); она исторически формировалась как пространство кочевых и полукочевых культур, для которых смена

места и пересечение границ являлось органичной основой жизненного уклада. Одновременно, традиции сосуществования и синкретические практики буддизма, шаманизма, православия и ислама, распространения нетрадиционных религий создали особые условия для формирования и поддержания религиозной идентичности, воспроизводимой через семейную память и подтверждаемой и оспариваемой (подвергающейся на «прочность») в условиях религиозного многообразия [1].

Ставя перед собой задачу анализа особенностей религиозной идентичности в контексте проницаемости межрегиональных и межстрановых границ, авторы сделали выбор в пользу комплексной методологии, сочетающей классические социологические методы и анализ цифровых следов в социальных медиа, что позволило получить интегрированную картину реальных и виртуальных религиозных практик. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса населения старше 18 лет приграничных регионов России и Монголии (N = 2785), включая Алтайский край (N = 927), республики Алтай (N = 404), Тыва (N = 405) и Бурятия (N = 484), Забайкальский край (N = 565), экспертного опроса с представителями научного сообщества, общественности, специалистов органов власти, духовенства (N = 155) и анализа профилей пользователей тематических групп религиозного содержания в социальной сети ВК: было проанализировано 280 сообществ в пяти регионах, общее количество пользователей – 216188 человек.

Результаты социологического исследования показали, что транслокальность и ее влияние на религиозную идентичность проявляются на межличностном, организационном и институциональном уровне. На межличностном уровне эти изменения наиболее ярко проявляются в формате межконфессиональных браков и переходов между вероисповеданиями, как правило связанными с миграционными процессами, когда один из супругов меняет свое место жительства. По оценкам экспертов, такие конверсии происходят достаточно часто (16,5% ответов). На организационном уровне индивидуальные локусы (жилье, место молитвы) связываются с крупными религиозными объектами, когда верующие совершают паломничества в монгольские храмы и монастыри (21,6% российских экспертов отметили такие явления), не последнюю роль играют связи в подготовке духовенства и религиозного образования, также предполагающие посещение обучающих мероприятий за пределами своего населенного пункта. На институциональном уровне связи между сообществами формируются во время религиозных мероприятий с

участием представителей разных конфессий (36% экспертных оценок), осуществления деятельности международных религиозных организаций и ассоциаций (5,1%). Значительная часть российских экспертов (15,2%) отметили посещения российских национальных республик монгольскими верующими, и аналогичный анализ, проведенный в Монголии, показал сходные оценки посещения российскими верующими монгольских аймаков. Таким образом, российско-монгольская граница оценивалась экспертным и местными сообществами как открытая и для межконфессиональных контактов, а индивидуальные и организационные связи указывали на функционирование устойчивых религиозных сетей.

Оценки населения показывают, что приграничные регионы довольно сильно меняются под влиянием миграций, часть которых имеет религиозные особенности. Около 13% жителей пяти регионов отмечают превосходящие входящие потоки (в Республике Алтай – 30,5%), почти четверть (24,9%) – равнонаправленные входящие и исходящие потоки миграций (Республика Тыва – 30%). При этом 16,1% респондентов указывают, что приезжают в основном представители других национальностей и религий (Забайкальский край – 27,6%), 36,1% – отмечают, что меняется религиозный ландшафт – строятся новые храмы, церкви, дома молитвы (в Республике Алтай – 63,1%). Справедливости ради отметим, что такие трансформации не всегда связаны с миграциями и транслокальными сообществами, однако, сам факт интенсификации таких изменений говорит о многом. Впрочем, для большинства населения современные тенденции не являются чем-то особенным: около 60% опрошенных во всех регионах (от 40,7% в Республике Алтай до 91,8% в Республике Алтай) уверены, что их город и село всегда были «пестрыми», где жили представители различных народов и вероисповеданий.

Личный опыт жителей подтверждает его трансграничный характер: почти треть из них родились в другом населенном пункте России, около 5% – в другой стране, из них 40% – указали, что вокруг живут не только представители их национальности и веры, но и другие этносы и представители разных конфессий. От 1,8% респондентов с миграционным опытом в Бурятии до 7,6% – в Алтайском крае указывают на свою «инаковость», однако большинству (55%, от 37,3% в Республике Тыва до 65,3% в Республике Бурятия) удалось приспособиться к новым условиям жизни и проживанию среди иных народов и религиозных культур.

Еще более рельефно транслокальные связи проявляются в виртуальном пространстве. Так, по данным анализа групп ВК, все

сообщества отличаются разнообразием географических локаций подписчиков, например, в Алтайском крае по данным 90 сообществ их выявлено более 1700 в разных частях мира. Большая часть за пределами Алтайского края – это центральные регионы и соседние регионы Сибирского федерального округа. Среди населенных пунктов Алтайского края по количеству подписчиков, лидируют жители Барнаула (7979 чел.), Бийска (1784 чел.), Новоалтайска (429 чел.), Рубцовска (418 чел.). В меньшей степени представлены малые города – Заринск, Славгород, Яровое, а также город-курорт Белокуриха (150-300 в Рчел. в каждом населенном пункте). Из внешних регионов наиболее представительным являются: Москва (2202), Новосибирск (1555), Санкт-Петербург (1134), именно туда чаще всего уезжают жители региона, а также города соседних сибирских регионов: Красноярск (371), Томск (354), Омск (337), Горно-Алтайск (330), Новокузнецк (210). В число лидеров входят и города-миллионники европейской части России – Екатеринбург (297), Нижний Новгород (267), Краснодар (201). Количество резидентов из Алтайского края больше всего их в молодежных православных сообществах (почти половина – 46,7%), а также в институциональных группах (38,5), сообществах храмов и церквей (38,4), чуть в меньшей степени в благотворительных и просветительских сообществах (около 36,05), то есть в сообществах, создаваемых прежде всего для верующих, проживающих в регионе. Меньше всего жителей края в сообществе староверов (9,4%), охватывающем другие регионы Сибири, среди вайшнавов и кришнаитов (14,3%), а также в неправославных христианских сообществах (19,0%).

В Республике Алтай представлены 34 группы с религиозным содержанием, которые относятся к православной церкви, православной старообрядческой церкви, церкви христиан веры евангельской (пятидесятники), буддизму. Географическое распределение участников сообществ неравномерно. В сообществах церквей Горно-Алтайска более половины участников (от 57% в «Храм святых Петра и Февронии г. Горно-Алтайск» до 70% в «Воскресная школа Свято-Макарьевского храма») указали своим городом Горно-Алтайск, жители Горно-Алтайска также составляют от 1/3 до ¾ сообществ епархии и благочиний. Значительный интерес не-жителей Республики Алтай к участию в сообществах можно объяснить прежде всего миграцией населения, социальными связями с жителями сел, а также подчас интересной информационной составляющей сообществ.

Среди наиболее представленных населенных пунктов из Забайкальского края лидируют Чита (6385 пользователей во всех

сообществах), Агинское (929), Петровск-Забайкальский (232), Могойтуй (226), довольно много жителей Краснокаменска (184), Узона (123), Дульдурги (113), Борзи (72), Шилки (58), Карымского (54), Нерчинска (52), Забайкальска (71). Большая часть членов сообществ за пределами Забайкальского края – это центральные регионы и соседние регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов Среди крупных населенных пунктов в других регионах по количеству пользователей выделяются Улан-Удэ (1584), Москва (977), Санкт-Петербург (506), Иркутск (448), Новосибирск (303), Кызыл (126), Красноярск (119), Хабаровск (99), Екатеринбург (80), Владивосток (74), Краснодар (69), Элиста (67).

Если проанализировать долю резидентов Забайкальского края в сообществах разного типа, различающихся по конфессиональной принадлежности и направленности, то больше всего их в православных сообществах (38,2%), буддистских (28,9%) и протестантских (26,4%).

В Бурятии ситуация еще более неоднозначная: из всех виртуальных религиозных сообществ, локализованных в республике по основным атрибутам (названию, администраторам, содержанию), менее трети подписчиков отмечают свою географическую принадлежность к этому региону. Среди 10 наиболее частых населенных пунктов участников сообществ только Улан-Удэ – 22479 чел. относится к Республике Бурятия. Остальные – Москва (6700 чел.) и Санкт-Петербург (4022 чел.), достаточно много из соседних регионов: Кызыл 3271 чел., Иркутск 1636 чел., Чита 1555 чел., а также Новосибирск 876 чел., Красноярск 814 чел., Агинское – 611 чел., присутствие Элисты (1636 чел.) объясняется сильными связями с калмыкским буддизмом.

Подписчики сообществ в Республике Тыва проживали в более 1100 населенных пунктах России и мира, только треть были из Тывы, что свидетельствует о масштабах интереса и охвата аудитории. Так, наиболее многочисленными были пользователи из г. Кызыла, крупных центральных городов России – Москвы и Санкт-Петербурга, сибирских соседних регионов – Красноярск, Новосибирск, Абакан, Улан-Удэ. Статистика по пользователям соизмерима с численностью населения – Кызыл, Ак-Довурак, Чадан, Шагнар и др.

Наибольший интерес среди жителей других регионов (91,44%) имеется у старообрядческого сообщества, пятидесятников (80,7%) и православных (81,7%) групп, больше жителей Тывы в буддистских сообществах (27,4%) и шаманских (22,4%), например, относящихся к районным дацанам (столичный «Тубтен Шедруб Линг» – 25,7%, в то Ак-Довуракий – 36.59%). В шаманизме в целом нет зависимостей от

тематик публикаций групп или принадлежности к зарегистрированной организации, местное население составляет от 22 до 31%. При этом сильно выбивается сообщество «Управление Верховного Шамана», где 90% – это жители других регионов и стран.

Таким образом, транслокальность можно рассматривать как аналитическую оптику, позволяющую увидеть, что религиозная идентичность в приграничье формируется не благодаря простому присутствию границ, а в постоянном режиме их пересечения и установления межрегиональных и межстрановых связей – как на индивидуальном уровне, так и с религиозными объектами. Цифровые коммуникации при этом встраивают физические локусы в более широкую сеть связей, в результате чего индивидуальный религиозный опыт оказывается одновременно локально укорененным и транслокально разрозненным. Открытость межконфессиональных отношений и распространенность трансграничных миграций в иную конфессиональную среду при этом не разрушают культурную адаптацию, а задают ее условия, что позволяет говорить о приграничье как о пространстве, в котором религиозное многообразие выступает не фактором напряжения, а ресурсом воспроизводства идентичности.

Литература

1. *Бадараев Д. А.* Трансграничное взаимодействие российских регионов Внутренней Азии с Монголией: состояние и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 23–33
2. *Замятина Н. Ю., Лярская Е. В.* Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 210–221.
3. *Greiner C., Sakdapolrak P.* Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives // Geography compass. 2013. No. 7(5). P. 373–384.
4. *Mattes A., Novak Ch.* Translocal feeds of faith: how mobility and digitalisation shape the religious life of young believers // Journal of Contemporary Religion. 2025. No. 40. P. 23–43. DOI: 10.1080/13537903.2025.2470024
5. *Sander H. J.* Religion-making in the border space and by border land // Borderland Religion: Ambiguous Practices of Difference, Hope and Beyond / ed. by D. L. Machado, B. S. Turner, T. Wyller. London ; New York: Routledge, 2018. P. 117–135.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВАЛТАЙСКОГО КРАЯ: МЕХАНИЗМЫ КОНВЕРТАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНД

Папашвили Г.З., Барнаул (Россия)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №
26-28-20225*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу механизмов, посредством которых историко-культурное наследие малочисленных этносов Алтайского края – автохтонных кумандинцев и финно-угорских переселенческих диаспор (мордвы, марийцев) – формирует имидж сельских территорий и трансформируется в ресурс их развития. Установлено, что у автохтонного этноса наследие функционирует как посттрадиционная экономика идентичности (правовой статус КМНС конвертируется в природоресурсные права и туристический продукт), тогда как у диаспорных групп наблюдается парадокс символической компенсации: утрата языкового «Сигнала» компенсируется гипертрофией визуальных маркеров идентичности – вплоть до межпоколенческого предела в четвертом поколении. Сформулирована трехвекторная модель устойчивой конвертации наследия в территориальный бренд: синхронная интеграция низовой музеефикации, кластерной коммодификации и цифровизации при механизме совместного управления наследием (англ. *shared stewardship*) с носителями традиций.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; кумандинцы; мордва; марийцы; территориальный брендинг; этнотуризм; символическая этничность; коммодификация; *shared stewardship*; Алтайский край

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SMALL-NUMBERED ETHNIC GROUPS OF THE ALTAI TERRITORY: MECHANISMS FOR CONVERTING POTENTIAL INTO A TERRITORIAL BRAND

Papashvili G.Z., Barnaul (Russia)

Abstract. The article presents a comparative analysis of the mechanisms through which the historical and cultural heritage of small-numbered ethnic groups of the Altai Territory – indigenous Kumandins and Finno-Ugric migrant diasporas (Mordvins, Maris) – shapes the image of rural territories and transforms into a development resource. It is established that among the indigenous group, heritage operates as a post-traditional identity economy (IPNS legal status is converted into natural resource rights and tourism products), while diaspora groups exhibit a symbolic compensation